

В качестве негативного фактора электоральной кампании можно рассматривать относительно низкую легитимность органов власти (главным образом, муниципальных и региональных) в сельских районах при наличии весьма определенных ожиданий от них (особенно от местных администраций) в решении общественных проблем. Определенным образом скорректировать проблему можно посредством оптимизации информационной работы на местах о деятельности региональных и местных властей, в рамках которой можно сократить сегмент избирателей,

которые не осведомлены о работе чиновников и депутатов или затрудняются ее оценить.

Примечания

- ¹ См.: Данилов М. В. [и др.]. Информационные предпочтения, оценка актуальных проблем и отношение к власти провинциального электората в преддверии федеральных парламентских выборов (анализ результатов массового социологического опроса и фокус-групповых исследований) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 193–196.

УДК 327.8

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА

О. В. Юров

Западно-Казахстанский государственный университет имени Махамбета Утемисова, Уральск (Республика Казахстан)
E-mail: yov1510@mail.ru

В статье рассмотрены проблемы интеграции евразийского пространства, связанные с формированием общественного сознания, основной ценностью которого в постсоветских государствах стал национальный суверенитет. Сегодня вопросы интеграции и независимости во многом противопоставлены друг другу. В этой ситуации конструирование позитивной мотивации, единой евразийской идентичности является одним из основных факторов успешной реализации Евразийского проекта.

Ключевые слова: евразийская интеграция, идентичность, политизация этничности, цивилизационные теории, социальные технологии.

The Importance of Social Technologies in the Implementation of the Eurasian Integration Project

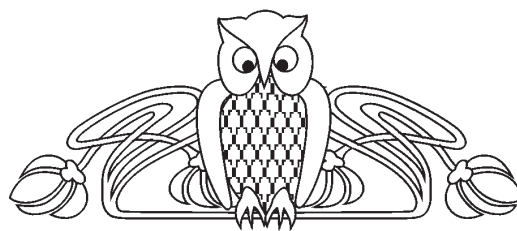
O. V. Yurov

The article deals with the problems of integration of the Eurasian space associated with the formation of social consciousness, core value, which was the national sovereignty in the post-Soviet states. Today, the issues of integration and independence largely opposed to each other. In this situation, the construction of positive motivation, a single Eurasian identity is a major factor in the successful implementation of the Eurasian project.

Key words: Eurasian integration, identity, politicization of ethnicity, civilization theory, social technologies.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-338-342

Бюро экспресс-мониторинга общественного мнения DEMOSCOPE 19–26 марта 2015 г. провело опрос граждан Казахстана на тему «Экономические ожидания казахстанцев в поствыборный период. Отношение к продукции отечественных производителей». В том числе рассматривались

ожидания казахстанцев, связанные с созданием ЕАЭС. Судя по результатам опроса, влияние ЕАЭС на страну в целом население не воспринимает всерьез даже в перспективе. Так, лишь 6% участников опроса ожидают усиление интеграции со странами ЕАЭС и введение в обращение общей валюты¹.

Опросы, проводимые социологическим отделом Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова (опрашивалась молодежь в возрасте от 18 до 23 лет, т. е. та категория населения, которая родилась в постсоветский период и выросла под влиянием новых акторов социализации) также показывают, что Евразийский проект не стал для молодежи основной идентичности и фактором будущего.

Национальная идентичность для молодежи является основной, так, 38% респондентов заявили, что ощущают и осознают себя представителями определенного этноса, а на первое, второе и третье места ее поставили в общей сложности 81% опрошенных.

Несколько большее количество респондентов – 41% – обозначили для себя в качестве приоритетной идентичности гражданство Республики Казахстан.

Обращает на себя внимание, что религию как значимую идентичность на первое, второе и третье места поставила почти половина опрошенных студентов – 47%. Следовательно, религиозная принадлежность в самоидентификации респондентов занимает одно из важных мест.

Но евразийскую идентичность на первое место поставили 2,7% опрошенных (что близко к статистической погрешности), а на первое, второе и третье места – всего 8,2%.

Высокой является поддержка евразийской интеграции (74%) как части политики Президен-

та РК. Но влияние ЕАЭС на благосостояние, занятость, профессиональные перспективы и т. п. позитивные изменения в жизни опрашиваемых, членов их семей, других родственников и ближайшего окружения отметили лишь 12,7%².

Налицо доминирование национальной, гражданской, религиозной идентичности и почти полное отсутствие идентичности евразийской. При этом рост религиозной идентичности выступает как антитеза цивилизационному евразийскому единству. Отсутствует и выраженная позитивная мотивации, конкретное наполнение Евразийского проекта.

Попытки проанализировать причины подобной ситуации сразу заставляют признать, что отношение к Евразийскому проекту в Казахстане неоднозначное и сформированного устойчивого общественного мнения, направленного на поддержку проекта, не существует. Об этом позволяют судить заголовки публикаций в СМИ:

- «Договор о ЕАЭС не опубликован на казахском языке»;
- «Национальная палата предпринимателей РК предложила правительству введение торговых ограничений в рамках ЕАЭС»;
- «Станет ли китайский дракон правителем мира, и кто остановит Путина?»;
- «Зачем Казахстан определяет и укрепляет свои границы с Россией?»;
- «Правительство должно в срочном порядке вводить протекционистскую политику»;
- «Чья идеология доминирует в Казахстане?» и т. п.

Можно попытаться объяснить это политическим плюрализмом, но есть вещи, которые в силу очевидности и давности стали носить объективный характер. К ним можно отнести то, что в основе проекта лежит российско-центристская модель интеграции, и это вызывает напряженность в межнациональных отношениях, новый виток мобилизации титульной нации. Причем для многих интеграционные процессы являются подтверждением того, что политика России носит имперский характер, в том числе и любые шаги Москвы направленные на расширение сотрудничества.

Для менее политизированных субъектов экономического процесса очевидным является, что географические условия, демографические особенности, производственная и транспортная инфраструктуры обуславливают российско-центристскую модель интеграции, но это осознание еще более болезненно заставляет воспринимать низкую конкурентоспособность казахстанской экономики, превалирование импорта над экспортом в рамках ЕАЭС, сырьевую составляющую казахстанского экспорта и т. п.

Политики России зачастую усилена подогревают эти настроения, так как понимают интеграцию не только как экономическое, но и политическое сближение, включающее создание

парламента, наднациональных органов, делегирование суверенитета, введение единой валюты и т. п.³

Казахстан же ориентирован на совместное экономическое развитие и индустриализацию стран-участниц, что, в общем, и предусмотрено подписанными документами. Казахстан видит в этом главное отличие ЕАЭС от других «интеграционных» проектов прошлого и современного эталона интеграции – Европейского союза. Политическая интеграция не является актуальной, о чем регулярно заявляет руководство страны. Интеграционные проекты рассматриваются в Казахстане через призму ценности национального суверенитета, и если двадцать лет назад Н. А. Назарбаев сам выдвигал проекты политической интеграции, то сегодня общественно-политические условия и новая ментальность не позволяют этого делать.

Российско-центристской модели интеграции, а иной она не может быть с учетом масштабов экономик, людских ресурсов, производственных потенциалов, инфраструктуры, нужен реальный противовес, выражающийся в отказе от политической интеграции, незыблемости суверенитета и его символов, в частности, национальной валюты. Национальная валюта – такой же символ независимости, как флаг, герб, гимн, столица, границы и т. п., и заявления о введении единой валюты рассматриваются как покушение на суверенитет. Должны быть найдены другие инструменты активизации экономической деятельности, например, введение расчетной единицы наподобие экю и т. п.

Не менее важным является и «негативный опыт» евразийской интеграции. В 1992–1993 гг. произошла дезинтеграция таможенного, рублевого и вообще экономического пространства бывшего СССР. Новые независимые государства упрочили свой политический суверенитет, вошли окончательно и самостоятельно в мировое сообщество, международные финансовые организации и т. д. Вместе с тем остались невыполненными решения по созданию Экономического и Платежного союза, как и сотни других решений, подписанных в рамках СНГ.

Причина провала этих интеграционных проектов может быть в том, что участники интеграционного процесса «четко не определились, какова окончательная цель объединения»⁴.

Не менее значимой причиной провала СНГ стала политизация этничности, которая затронула все республики бывшего Союза, в том числе и Россию, дискредитировала и оставила невостребованным весь позитивный опыт единой государственности, не позволила реализоваться предпосылкам интеграции. Национальная идентичность формировалась на основе создания «образа жертвы», и был начат поиск виновных, который завершился формированием «образа врага». Исторические исследования, которые

возрождают конфликты, политические и этнические, и экстраполируют их в настоящее и будущее, создают историческую логику конфронтации и борьбы, сегодня широко представлены в СМИ и в учебных программах.

Неслучайно З. Бжезинский отмечал, что «получившие независимость центральноазиатские государства все больше расположены отождествлять смысл... своей истории с борьбой за освобождение от российского колониализма»⁵.

Сегодня в Казахстане выросло поколение, в сознании которого прочно закреплены мифы о «колониальной политике», «национально-освободительном движении», «борьбе за независимость». «Сколько бы не говорили, – пишет Н. А. Нарочницкая, – в русле позитивистского мышления о примате экономики, общей заинтересованности в сохранении существовавших связей и общего рынка товаров, о вселили идеальных общественных институтов, которые делают народы дружескими и добрососедскими, СНГ демонстрирует примат идеологии, философии, истории, порождающих политику, которая вторгается в экономику»⁶.

Ценность интеграции для этих людей, по меньшей мере, сомнительна, цель интеграции противоречит национально-государственной парадигме, само содержание евразийства просто непонятно или рассматривается как сугубо пророссийская доктрина. Ни о какой евразийской идентичности применительно к этим слоям населения говорить не приходится. Именно поэтому Н. Назарбаев неоднократно повторяет, что о политической интеграции, создании наднациональных органов не может быть и речи, что реализация этого проекта в полном масштабе начнется с 2025 г., что Казахстан продолжает многовекторную политику и евразийский проект лишь одно из многих направлений внешней политики.

Те представители казахской национальности, и их достаточно много, которые представляют собой «ресурс советскости»⁷ (речь идет о людях, которых можно с полным правом назвать «советским народом»), т. е. люди, выросшие в светской культуре, разделяющие идеалы советского прошлого, подверглись моральному прессингу, получили прозвище «шала» – грязных казахов, в отличие от «таза» – чистых казахов и систематически осуждаются. Так как со стороны России они не имеют никакой, даже моральной поддержки (Россия сама активно отрицает советское наследие), они еще в большей степени были дезориентированы, чем этнические русские, у которых хотя бы гипотетически есть возможность уехать на «большую родину». Эти люди интенсивно пытаются найти новую идентичность в условиях образовавшегося вакуума и находят ее в том числе в религии, о чем свидетельствуют социологические опросы – доля систематически выполняющих религиозные обря-

ды выросла до 75%, в то время как 15 лет назад пропорция была обратная.

Что же касается российских «агентов влияния» в Казахстане, то их численный состав и возможности постоянно сокращаются – доля этнических русских и представителей европейских, христианских национальностей уже менее 30% населения (более половины населения РК в начале 1990-х гг.). Продолжается процесс миграции, которая уже не выглядит как массовый исход, но приобрела системный, упорядоченный характер, молодежь уезжает в Россию учиться и уже не возвращается. Достившие пенсионного возраста уезжают к детям. Эта категория русских является носителем национальной идентичности и евразийскую идентичность и евразийское будущее не рассматривает как личный проект.

Те, кто не планируют выехать в Россию, в значительной степени теряют национальную идентичность, ассимилируются, пытаются построить свою идентичность на либеральных моделях или, по крайней мере, дезориентированы. Об этом говорит структура межнациональных браков, когда, прежде всего, славянские девушки выходят замуж за казахов и их дети идентифицируют себя как казахи, что является признаком этнического доминирования. Среди русской молодежи, относительно других этносов, велик процент (1,6%) принявших ислам и другие религии (до 2,0%). Для сравнения: доля казахов, исповедующих православие, едва достигает 0,4%⁸. Заметно и участие русских в деятельности экстремистских исламских групп. Ярко выражена социальная деградация русского населения, доля среднего класса, ИТР, чиновничества и т. п. неуклонно падает, но по-прежнему высок процент рабочих профессий и самозанятых (мелкий бизнес).

В целом найти группу, этническую, социальную, культурную, которая была бы носителем евразийской идентичности, в Казахстане в настоящее время достаточно сложно.

Образовавшийся вакуум политики и ученые попытались заполнить, «возродив» евразийскую теорию, при этом не учитывая или игнорируя тот факт, что постулаты классического евразийства – идеократия, демотия, соборность (по сути, были созданы идеальные модели этих явлений) – это философия традиционного общества, и консервативная революция, которую многие призывают, будет не ремейком, а особой моделью развития.

Более того, в классическом евразийстве присутствует значимая антиномия, констатируется наличие православия и «туранского» фактора, но механизм их взаимодействия, согласия, перспектив отсутствует. Поэтому в ННГ классическое евразийство воспринимается как имперское.

Конечно, можно отнести цивилизационные теории к архаичным, теряющим актуальность в условиях глобализации, секуляризации и т. д., и обратиться к представителям современного

евразийства – к А. Дугину и Н. Назарбаеву. Основными постулатами евразийства у Дугина выступают геополитика, создание полюса силы, империя, традиционализм, консерватизм и антилиберализм. У Назарбаева – это многовекторная политика, экономический прагматизм, постепенность, демократический транзит, отказ от наднациональных структур и в целом политической интеграции, возможность свободного выхода. Не нужно быть специалистом, чтобы понять, что это диаметрально противоположные программы не только в методике достижения единства Евразии, но и понимания его содержания.

Отказавшись от высоких материй и вернувшись на уровень экономического прагматизма – этого жупела Евразийского проекта, здесь также можно обнаружить ряд системных и конъюнктурных проблем.

Процессы экономической интеграции должны быть ориентированы на внутрирегиональное разделение труда, не только между, но и внутри отраслей, на создание высокоспециализированных и кооперированных производств, прежде всего в машиностроении, что сопровождается восстановлением единого производственного пространства, государственными инвестициями, подготовкой квалифицированных кадров и т. п., что и будет отвечать характеристикам экономического союза.

Между тем наша оценка результатов интеграции по формуле Грубеля – Ллойда дает показатель того, что только около 35% товарооборота стран в едином экономическом пространстве приходится на внутриотраслевую торговлю. То есть говорить об экономическом союзе еще очень рано, максимум, что мы имеем, это ряд зон свободной торговли, когда поставки товаров легко могут быть замещены другими странами.

Но и эти достижения находятся под угрозой. Снижение курса рубля в 2014 г. привело к оттоку капиталов из Казахстана в Россию. В прессе начался ажиотаж, назывались цифры – вывезено из страны 2 млрд долл., ввезено в страну 50 тысяч автомобилей и т. п. Раздались призывы закрыть границы с Россией, выйти из ЕАЭС и т. п. В то же время резко упал товарооборот внутри ЕАЭС: по данным казахстанского статкомитета, в январе–октябре 2015 г. торговля со странами ЕАЭС сократилась на 26,6%, или почти на 5 млрд долл. При этом экспорт РК пострадал сильнее – он снизился на 30%, тогда как импорт – на 24%⁹. Если вспомнить реакцию Беларуси на аналогичные проблемы, то становится ясно, что декларируемый (якобы нейтральный) «рыночный» подход к проблеме интеграции и мотивация интеграции, связанная с выгодой, ростом товарооборота и т. п., превращаются в свою антитезу.

Эти «экономические» результаты подтверждают убежденность противников интеграции и сторонников национально-государственного строительства в своей правоте.

Итак, в результате мы имеем отрицание позитивного исторического опыта, противоречивую и незавершенную теорию, разное видение целей и моделей интеграции у действующих политиков, отсутствие осязаемых экономических результатов, низкую общественную поддержку и многократно возросший риск в очередной раз похоронить Евразийский проект.

Линейное, классическое мышление, свойственное общественному сознанию, требует четкого целеполагания, и это, в частности, относится к Евразийскому проекту. Конечно, в духе постмодернизма и релятивизма можно не обращать внимание на эту проблему, вбросив в публичную информационную среду хаос/плюрализм суждений, мнений, ценностей, но сегодня вопросы интеграции постсоветских государств зависят от общественного сознания, основной ценностью которого в ННГ стал национальный суверенитет. Сегодня вопросы интеграции и независимости во многом противопоставлены друг другу. Это объясняется высоким уровнем политизации этничности, что обеспечило не только парад суверенитетов, выступающий как апофеоз демократизации, но и дезинтеграцию постсоветского пространства.

В данной ситуации конструирование единой идентичности, разработка модели этой социальной технологии выступает одним из основных факторов успешной реализации всего проекта. Причем линейный подход на основе диалектического мышления вряд ли будет уместен, в лучших традициях постмодерна потребуются соединить несоединимое.

Прежде всего, это касается государственной политики РФ, которая должна быть направлена на безоговорочную поддержку казахской государственности. Попытки поставить под сомнение ее легитимность, территориальную целостность страны актуализируют противостояние «мы и они», консолидируют нацию на антирусских началах, завершают логику национального противостояния, заложенную процессами политизации этничности и отраженную в учебниках истории и массовом сознании. Разрушить эту логику можно, только выступив в роли гаранта, защитника национальной государственности, которая является высшей ценностью казахов, как, впрочем, и любого другого народа, в последние двадцать лет.

Требуется «реабилитация» советского прошлого. Прежде всего, необходима систематизация позитивного опыта советской государственности в сфере национально-государственного строительства, межнационального сотрудничества, интернационализма, создания единого народно-хозяйственного комплекса с целью экстраполяции этого опыта в настоящее и будущее. Это нужно для создания новой картины прошлого, новой логики развития, нового массового и индивидуального сознания, национального и личностного целеполагания и смысла бытия.

Для формирования славяно-тюркского цивилизационного единства требуется пересмотреть представления о религиях, едином языке, едином менталитете на евразийском пространстве, сформировать евразийский «национализм». Даже если отказаться от цивилизационного подхода и соответствующей терминологии, мы должны преодолеть то, что противопоставляет славян и тюрков, народы ННГ, превратить «это» в механизмы единения.

В целом возникает необходимость конструирования социальной действительности. Это тем более важно, что, как пишет А. Панарин, «неизменно проигрывали те, кто верил в традицию... в наличие естественно-исторической колеи или целесообразности... На самом деле неизменно побеждали те, кто занимался производством общества, а проигрывали те, кто верил в его естественный ход и потому воздерживались от активности в “решающий момент и в решающем месте”. В целом, следовательно, будущее как иное выступает в качестве продукта политики»¹⁰.

Релятивность присуща всем общественно-политическим теориям и проектам, но они навсегда остаются теориями, если отсутствуют воля и практика их реализации. Воля – это не что иное, как идея, убеждение, переходящее в осознанное действие во имя достижения цели. Практика в нашем случае – это технологии формирования сознания. Как пишет М. Фуше, «многообразное будущее... складывается из отрезков логики эволюции и двух иррациональных моментов: случайности и свободы воли людей»¹¹.

УДК 321(470+570) 01

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В XXI ВЕКЕ

Ф. А. Вестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: vestovfa@mail.ru

О. Ф. Фаст

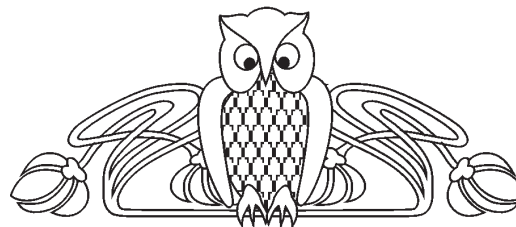
Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: fastolga@mail.ru

В статье анализируется тенденция в восприятии общественным сознанием в разные исторические эпохи и вплоть до современности проблемы «правового государства». Характеризуются условия, благодаря которым изначально преимущественно правовая проблема «правового государства» приобрела в последние десятилетия в основном политический характер.

Ключевые слова: правовое государство, либеральное понимание правового государства, юридическое и политическое вос-

Примечания

- 1 См.: Экономические ожидания казахстанцев в поствыборный период. Отношение к продукции отечественных производителей. URL: <http://demos.kz/rus/index.php?poll=44> (дата обращения: 26.01.2016).
- 2 См.: Патриотизм, ЕАЭС, состояние межэтнических отношений и религия в восприятии студентов ЗКГУ им. М. Утемисова – 2015. Аналитический отчет / рук. проекта П. А. Добряев. Уральск, 2016.
- 3 См.: *Вилков А. А.* Политические перспективы Союзного государства России и Республики Беларусь в контексте многовекторности их отношений // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 66–71.
- 4 *Хейфец В. Л., Оводенко А. А.* Международная интеграция. СПб., 2003. С. 65.
- 5 *Бжезинский З.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2004. С. 95.
- 6 *Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в мировой истории. М., 2003. С. 394.
- 7 См.: *Зевако Ю. В.* Ресурс «советскости» в контексте формирования политической идентичности в государствах постсоветского пространства // Политические проблемы современного общества : сб. науч. ст. Вып. 17. Саратов, 2012. С. 58–77.
- 8 См.: Перепись населения Казахстана (2009). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 26.01.2016).
- 9 См.: ЕАЭС : первый год комом. URL: <http://www.tks.ru/reviews/2015/12/22/03/print> (дата обращения: 26.01.2016).
- 10 *Панарин А. С.* Политология : учеб. пособие. М., 2002. С. 238–239.
- 11 *Фуше М.* Европейская республика. Исторические и географические контуры. М., 1999. С. 43.

приятие правового государства, элиты и граждане в правовом государстве.

Perception of the State Legal Problems in the XXI Century

F. A. Vestov, O. F. Fast

The article analyzes the trend in the perception of public opinion in the different historical periods and up to the present problem of «the rule of law». They are characterized by the conditions in which initially primarily a legal problem «state of law» has acquired in recent decades, mainly political in nature.

Key words: rule of law, liberal understanding of the rule of law, legal and political perception of the rule of law, elite and the citizens in a legal state.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-342-345